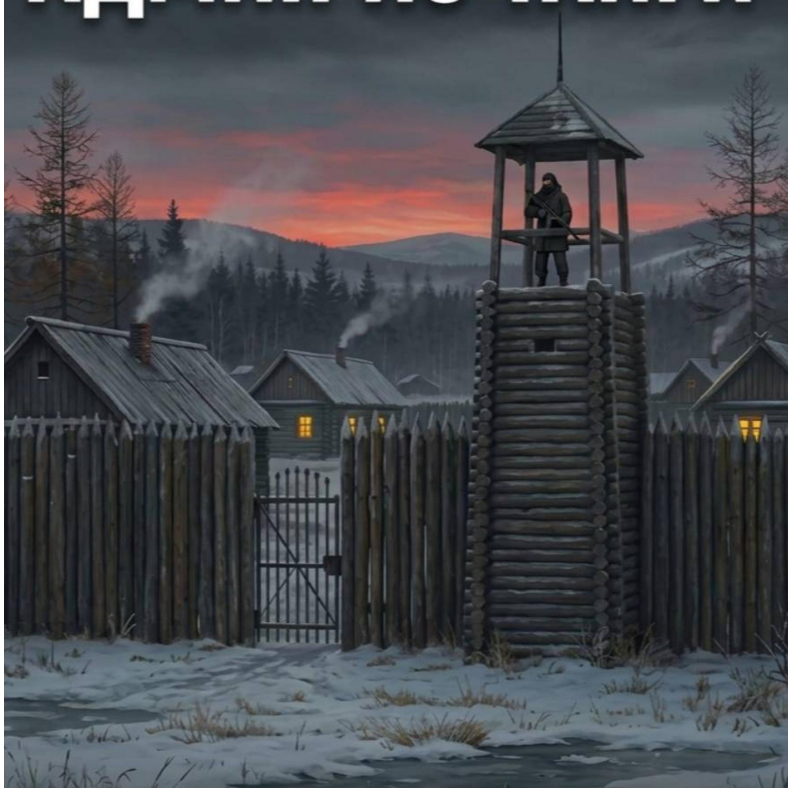

АДМИН ИЗ ТАЙГИ

КРЕПОСТЬ В ТАЙГЕ 2

18+

Админ тайги
Крепость в тайге 2
Серия «Крепость в тайге», книга 3

<https://litres.ru/74338614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они построили крепость в тайге.

Они выжили там, где другие умерли.

Но вторая зима будет страшнее первой.

И не все враги — по ту сторону частокола.

«Крепость в тайге 2» — возвращение в мир, где холод убивает,
а люди решают, кто они: звери или те, кто помнит, что значит быть
человеком.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Админ Из тайги

Крепость в тайге 2

Глава 1

Вода была абсолютно чёрной, как провал в безду. И небо над этой бездной, затянутое низкими, такими же черными облаками, не отражалось в ней, а висело тяжёлой, сырой ватой, готовой в любую секунду пролиться либо снегом, либо ледяным дождём. От реки тянуло холодком, который пробирает не снаружи, а будто изнутри, заставляя ощущать своё же дыхание холодным и не живым.

Виталий сидел на корме старой «казанки» неподвижно, слившись с темнотой. Его руки, лежащие на вёслах, не дрожали. Дыхание было ровным, почти невесомым. Он не позволял себе ни одного лишнего движения, ни одного звука, который мог бы разорвать эту первобытную, насторожённую тишину. Он был охотником, идущим по следу, и река была его тропой. Мотор висел на транце, но сегодня молчал. «Вихрь» в этом походе — это рывок последнего шанса, если его обнаружат. Сегодня только вёсла — длинные, бесшумные, разрезающие с глухим всплеском маслянистую воду.

Каждый взмах уносил его всё дальше от берега, где осталась крепость, беспокойно, чутко спящая за частоколом.

Там, в крепости, осталась его крепость — она. И сын.

Он вспомнил момент их прощания. Короткий. Слишком короткий. Он теперь жалел, что так коротко простились. Сперва в памяти вспыхнул образ, Надя стояла на крыльце, кутаясь в тёплую шаль, и смотрела на него тем взглядом, от которого у него внутри всё сжималось в тугой узел. Она не плакала, она с ним уже научилась не плакать. Но в глазах её снова купалась эта извечная уже глухая, тоскливая тревога.

И только потом их новый, тёплый дом, где они коротко простились перед тем, как он ушел в эту темную и промозглую ночь.

— Ты ведь вернёшься? Как всегда? — спросила она нарочито спокойно. .

— Вернусь, — ответил он, тоже стараясь, чтобы голос звучал ровно, — Всего на неделю.

«Если успею, если не убьют», быстро мелькнули тогда мысли, он не был уверен, в его голове или в её они мелькнули. Может в обоих.

— Они тебя хорошо помнят, — не унималась она, подходя ближе. — Ты убил многих их товарищей. В своих засадах и налётах. Если они тебя узнают... они не станут говорить. Они убьют тебя сразу или очень медленно.

У Нади уже хорошо получалось говорить спокойно. Молодец, она учится.

Виталий взял её за плечи, чувствуя, как она изнутри вся гудит. .

— Они знают только моё имя, — сказал он, и голос его, наконец, вышел на глиссер, стал абсолютно спокойным. — Они не знают меня в лицо. Я был для них призраком. Я для них умер когда мы исчезли. Это же мой родной улус. Ничего такого. Просто посмотрю что там сейчас.

Она хотела что-то возразить, спокойствие её начало подводить, но он шагнул к колыбели, где, бережно укрытый одеялом, спал их годовалый сын. Надя тут же замолчала.

— Мой мальчик — прошептал Виталий, чтобы Надя не слышала дрожь в голосе. Виталий осторожно, боясь разбудить, провёл шершавой ладонью по пухлой и теплой щеке сына. Сердце его на миг сжалось, а потом снова забилося, звонко как бубен шамана. Он замер, смотря в это маленькое, до слёз безмятежное лицо — в тоненькие ресницы, в чуть открытые малюсенькие губки, в крохотную ручонку, сжимающую одеяло.

Вот он, мир без войны, мир, который навсегда ушёл. Но только здесь, в крепости, была хоть иллюзия того ушедшего мира без войны. Но чтобы защитить этот мир, он должен сейчас уйти. Но он был готов, ради своей семьи он готов хоть тысячу ночей переливать хоть тысячу рек, чтобы выиграть хоть тысячу войн, убивать хоть еще тысячу раз. Внешне, как всегда, Виталий оставался невозмутимым, лишь на мгновение задержался, словно вбирая в себя тепло этого образа сладко спящего сына.

— Откажись, — прошептала Надя, стоя за его спиной. —

Останься.

— Не могу, — ответил он, не оборачиваясь. Голос его был глухим, но непреклонным. — Это нужно крепости. А моя крепость... — он повернулся и посмотрел на неё, — теперь это вы с сыном. Мы должны знать, что сейчас там, за рекой.

Она молча смотрела на него в полутьме. И в ее взгляде быстро сменяли друг друга по кругу: страх что не вернётся, гордость за него, уверенность в его силах, любовь и снова страх что не вернётся. Виталий медленно шагнул к ней, мягко притянул к себе, чувствуя струну в её теле. Поцеловал в макушку, в висок, в сухие, потрескавшиеся губы.

— Жди, — сказал он. И вышел. Всё же слишком коротко. А вдруг он видел их в последний раз.

Теперь он сидел в лодке и слушал, как вода шепчет о борта. За спиной остался берег. Впереди — чёрная гладь, от которой поднимался пар, смешиваясь с предрассветным туманом. Он погрёб быстрее.

Он грёб быстро, но без суеты, изредка поглядывая на смутные очертания берега. Ветра не было, ни дуновения. Ничто не нарушало тишину, кроме мерного плеска вёсел и далёкого, едва слышного крика филина. Осень в этом году стояла сырая и злая. По утрам легкая шуга робко расцветала чтобы уже к обеду тихо отцвести. Река густела, тяжелела, дышала холодом. У него была неделя.

Он знал эти места. Знакомый поворот, знакомый мыс, за которым открывалась широкая протока, ведущая к тому бе-

регу. Там, за этим поворотом, начиналась чужая родная земля. Земля, на которой он вырос, жил, воевал, умер внутри и оставил войну другим. Но сейчас он снова вернулся.

Виталий инстинктивно пригнулся, когда лодка вошла в тень высокого обрывистого берега. Здесь было тихо, безлюдно. Он знал: на этом берегу, у Красного Берега, стоят дозоры. Дьулус, как и все командиры Бориса, был осторожен. Они выставляли посты, меняли их каждый день, и Виталий помнил каждый из них. Замер, прислушался к ощущениям, тихо.

Он причалил ниже по течению, за чёрной старой корягой, торчащей из воды, как злой дух абаасы, застывший перед прыжком.. Выволок «Казанку» на берег, затянул её в кусты, нарезал и основательно укрыл кустами. Потом постоял, чуток прислушиваясь. Тайга тяжело молчала. Только тугун плескался в черной протоке.

Виталий поправил за спиной «тигр», проверил нож на поясе, второй на лямке рюкзака и бесшумно, наощупь двинулся в сторону села. Он шёл медленно, постоянно останавливаясь через каждые несколько десятков шагов, вглядываясь и вслушиваясь в темноту.

Крайний дом Красного Берега. Он встретил его чёрной, как и всё вокруг, стеной. Ни огня, ни звука. Виталий обошёл его по широкой дуге, держась кустов и деревьев, осторожно ощупывая ногой землю, перед тем, как на нее наступить. Дозорный стоял у берега, в сотне метров от села. Один. Моло-

дой парень, почти мальчишка, с луком в руках и коротким мечом на поясе. Виталий прошёл мимо него в ста шагах, бесшумно, как тень. Парень даже не повернул головы, он смотрел на реку.

Село мирно спало. Два десятка домов, тесных, сбитых друг к другу, стояли в предутренней дымке. Никаких укреплений, никакого частокола — только редкие заборы да покосившиеся ворота. Люди здесь уже не ждали нападения. Они просто жили. Лишь один дозорный у реки.

Виталий поднялся на невысокий пригорок, где росла старая корявая лиственница. Укрылся в тени, достал бинокль и ждал рассвета. Через пару часов нехотя рассветало, Виталий стал смотреть в бинокль. И чем дольше он наблюдал, тем больше было у него сомнений. Люди жили. Они просто жили.

Из крайнего дома вышел пожилой мужчина без какого-либо оружия с ведром, зевнул, потянулся и пошел к реке. Где-то вяло залаяла собака, ей ответила другая, так же вяло. Потом всё стихло. Вот молодая женщина вышла во двор, развесила на верёвке стираное бельё. Дети — двое, мальчик и девочка, лет пяти-шести, — без опаски выбежали на улицу, засмеялись, начали догонять друг друга крича и смеясь. Их голоса были звонкими, чистыми, такими обычными, что у Виталия невольно мелькнула на мгновение легкая улыбка. Мелькнула и пропала.

Сейчас здесь не было войны. Не было страха. Здесь люди

просто жили.

Он просидел на пригорке до самой темноты. Видел весь день села от начала до конца. Как село просыпается, как люди расходятся по делам, как женщины носят воду в ведрах, как мужики собираются у одного из домов, видимо, мирно обсуждая что-то своё. Видел Дьулуса, он выехал из села на лошади, ведя за собой троих воинов. Они ушли в сторону тайги, к марям, как потом понял, на охоту. Они вернулись через несколько часов с тушей оленя, которую волокли на самодельных волокушах.

Виталий видел их оружие. У Дьулуса за спиной висел автомат. У остальных были Луки. Патроны здесь точно уже кончились, или их очень берегли. Но это было неважно. Важно было другое. Дьулус здесь, но войны здесь не было

На второй день Виталий спустился с пригорка и обошёл село по периметру. Он искал укрепления, следы недавних боёв. Ничего, что было бы про войну. Видел, как Дьулус снова уехал, уже, с девушкой. Они говорили и смеялись, когда лошади шли рядом. Потом скрылись за поворотом.

На третий день Виталий решился. Он подошёл к селу почти вплотную, укрываясь за кустами у дороги, ведущей к марям. Он ждал. Мимо прошёл старик с корзиной грибов. Проехал всадник, что-то насвистывая. Потом, совсем седой старик с лёгким мешком на спине, Виталий не мог больше ждать. Он вышел из кустов прямо перед стариком

— Здравствуй, — сказал по-якутски Виталий негромко.

— Я не враг. Я бежал из Намцев. Можешь мне подсказать куда идти и что теперь делать?

Старик остановился. Посмотрел на него долгим, цепким взглядом.

— Из Намцев, говоришь? — голос был хриплым, даже трескучим. — Ну пусть так. Спрашивай.

— Спасибо, — кивнул Виталий, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне просто очень нужно место, где можно перезимовать.

Старик молчал, изучая его.

— Ну, давай присядем коли так.

Виталий сел на траву, принимая от старика флягу. Пил долго, чувствуя, как вода стекает по горлу, успокаивая, принося облегчение.

— Скажи, дед, — спросил он, вытирая губы, — а тут у вас как? Как у вас тойон? Слышал война у вас.

Старик хмыкнул, покачал головой.

— Борис-то? Нет, не тойон он. Отказался. Говорит, не его это. У нас теперь совет. Решают сообща. А Борис — глава улуса, но не тойон. Смерть как наказание для всех здесь теперь почти отменили, только за самое тяжкое теперь головы рубят. А так, работы принудительные. Кто провинится чем — на стройку, на заготовку сена, на покосы.

— А те, кто воевал против него? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Их всех перебили?

— Нет, — старик усмехнулся, снова взглянув прямо в гла-

за Виталию. — Зачем? Кто сдался, тех простили. А кто не сдался, те ушли.

Виталий удивленно хмыкнул, и не отвел глаз, стараясь выдержать пытливый взгляд старика.

— Спасибо, дед, — сказал он наконец. Встал, не чувствуя ног. — Мне пора.

Зачем ты вернулся? — неожиданно спросил старик. Виталия сперва будто обдало морозом по спине, потом окатили горячей водой. Рука слегка дёрнулась в сторону лямки рюкзака, где покоился его перевернутый нож.

— Прямо как перевернутый крест. — сказал и засмеялся неожиданно старик, треся жидкой седой бородой, перевел взгляд на нож — и впрямь смертью веет. Не бойся, иди делай что должен был, это не моё дело. Ты ищешь здесь войну, но она пока отступила. И только духам ведомо надолго ли.

Виталий молча развернулся и пошел прочь.

Старик проводил его взглядом, покачал головой и пошёл своей дорогой. Вниз по течению реки.

Виталий отойдя от села за поворот нырнул в тайгу. Посидел немного, убедился, что за ним никто не идёт и пошёл к своему селу. В голове было мутно после встречи с этим странным стариком. Но в то же время множество мыслей рыскали в голове. Мать. Сестра. Может они тогда живы? Может они прощены? Где Борис? В Борогонцах? Если теперь улус под ним, что дальше?

Он вышел к своему родному селу Талба через два дня. Он

подошёл как стемнело к дому, где когда-то жил, и остановился в тени старой черёмухи. В окне горела свеча. Он видел её. Мать. Худая, с сединой в волосах, но живая. И сестра. За столом. Улыбаются.

Виталий стоял под этой черёмухой и долго еще смотрел как они едят.. Они не знали, что он здесь. Они не знали, что он вернулся.

Его трясло как лист на ветру. Он прислонился лбом к стволу, закрыл глаза, и Он плакал, зажимая рот ладонью, чтобы никто не услышал. Облегчения, боль, избавление,. Он не плакал так никогда в жизни.

Шуга на реке уже схватывалась плотной коркой, превращая воду в густое, хрупкое тесто. «Вихрь» работал на малом газу, лодка с трудом пробивалась сквозь лёд. Виталий сидел на корме, глядя на берег, где скрывалась его крепость. Жена и сын. Местами по вставшим уже ледяным полям приходилось толкать «казанку» пешком держась за борта. Целый день ушел на преодоление реки.

Наконец, спустя ледяную вечность уже на закате Виталий прыгнул с лодки, когда та с хрустом ткнулась носом в лёд у берега на устье речки Диринг. Он на радостях не сразу заметил в потемках стоящий корабль РТ-600. Увидев его он присел, выхватив карабин и застыл. Было тихо. Он подошёл к кораблю и его окрикнули.

– Виталий это ты? Покажи руки и выходи без оружия! – Крикнул хриловатый голос Петра.

— Да это я Петя!

— Выходи чтобы я видел руки!

Виталий поставил свой «тигр» к стволу ближайшей сосны, встал и вышел к кораблю. Трое прибежали и скрутили ему руки, связали. Подошёл Петр.

— Здорово, Виталий, извини, сам понимаешь, просто предосторожность. Сперва с тобой должны поговорить Олег и совет.

Виталий, напрягшийся было, чуть успокоился. Кивнул на корабль.

— А, понял. А это что посудина? Жатайские?

— Да, четыре дня назад заявили, шторм был. Сарыал и Лёха погибли, один ранен, сильно. Олег опять не в себе.

Три километра до крепости вверх по течению они проехали на «Соколе» менее чем за двадцать минут. Виталий, амёрзший, вымотанный, живой, простуженный, но счастливый сидел в кузове связанный, улыбка не сходила с его лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.